

ВЫСТАВКА ЛИТЕРАТУРА

Неизящная словесность

Александр Солженицын в ГМИИ имени Пушкина

В ГМИИ имени Пушкина открылась выставка «Александр Солженицын. Из-под глыб. Рукописи, документы, фотографии», посвященная 95-летию со дня рождения писателя и сделанная его вдовой, Натальей Солженицыной. Архив Солженицына впервые выставлен на родине и во второй раз вообще (в 2011 году похожая выставка была устроена в Музее Мартина Бодмера в Швейцарии). 5757 листов автографов, 592 листа машинописи на правах рукописи с авторскими пометами, 6 книг самиздата, а также документы, книги, мемориальные вещи, его портреты кисти Анатолия Зверева и Резо Габриадзе. Рассказывает АННА ТОЛСТОВА.

В концепцию и состав «Из-под глыб» ГМИИ имени Пушкина никак не вмешивался, от музея — лишь офорты Рембрандта: любил, писал о нем курсовую, будучи студентом-заочником искусствоведческого отделения МИФЛИ, хранил репродукции. Но спросите любого, кто выходит из зала, как ему офорты. — выяснится, что их не замечают: Солженицын затмевает Рембрандта. Выставка целиком сделана вдовой и сделана очень изящно. Изящество — совсем не то, что ассоциируется с литературой Солженицына и с ним самим. Но выставка изящна — и в плане концепции, и в плане дизайна (Эрик Белоусов), словно бы Наталья Солженицына только выставками всю жизнь и занималась. В плане дизайна это библиотека, стенды-книги, стенды-стеллажи, есть и пара настоящих книжных шкафов, забитых изданиями на всех мыслимых языках, на обложках часто — фотографии автора, а на каком-то французском переводе «Одного дня Ивана Денисовича» — супрематический крестьянин, и он — это очень забавно — невероятно похож, как будто бы Малевич написал портрет Солженицына куда лучше, чем Зверев с Габриадзе. Мемориальных вещей немного, вещей в его жизни было мало, и они делятся на две группы: предметы для письма, от походной чернильницы и огрызков карандашей до пишущей машинки, и предметы для чтения, очки, лупа, поскольку без лупы разобрать этот чудовищно мелкий, экономящий каждый миллиметр бумаги почерк невозможно и самому писавшему. Еще есть ватник и нашивки с номером «Щ 262», ватник — легально, а нашивки — тайно вывезенные из экибастузского лагеря, есть и нобелевский фрак, они несколько театрально противопоставляются друг другу, и от этого противопоставления холодок по спине, потому что лагерный ватник на нем, как, видимо, и на любом советском человеке, смотрится естественно, а фрак — по-дурацки: супрематическим крестьянам и сельским учителям не идут фракы. Есть фотографии, есть документы. Но главное — это рукописи, не муляжи, подлинники рукописей, которые производят совершенно художественное впечатление.

Что там архивы московского концептуализма! Вот концептуализм — голый текст, текст и только текст, так что бумаги не видать. Если манускрипт — то такой петит, что в глаза рябит и тошнота подступает к горлу. Если машинопись — то без полей, в край листа и без воздуха между строками, буквы лезут друг на друга, и никаких барских глупостей, никаких «рисунков Пушкина», все, каждая пометка и правка по делу. Ясно, что биография любого писателя — это история рукописей, и рукопись, то есть фронтовые письма с замечаниями боевого офицера, а не штабной крысы о реальном положении дел в армии и в стране, сделала Солженицыну ту большую биографию, какая должна быть у большого русского писателя, у Толстого, Достоевского, Горького. Но история рукописей в данном случае — выучиваний наизусть, переписываний,



Рукописи из архива Александра Солженицына дадут фору любым произведениям московского концептуализма
ФОТО ПЕТРА КАССИНА

перепечатаваний, хранений, зачорнений, препятываний, сжиганий, забываний, обысков, вызовов «куда надо», самоубийств, чести, героизма, предательства — это даже не история страны и эпохи. Это какой-то архетипический сюжет, сюжет из времен прото- или раннего христианства: некая секта в Иудейской пустыне, наподобие Кумранской общины, фанатизм и мученичество во имя истины, во имя слова живого. И вместе с тем это очень советский сюжет, это то, о чем мечтала советская власть, чтобы слово Маркса—Энгельса—Ленина жило в наших сердцах, но оно не жило, а лежало камнем зачета по диамату на сердце, а жило вот это, антисоветское. Этот советский-антисоветский фанатизм, этот пафос, эта вера в «жить не по лжи» — тут и понимаешь, откуда (к вопросу о московском концептуализме) взялась андерграундная ирония в его адрес, откуда сорокинская «Тридцатая любовь Марины», откуда группа «Гнездо» с «ленинским» барельефным профилем «Солженицына из соли».

Впрочем, «Из-под глыб» как раз не про пафос, а про работу, работу и еще раз работу. Про бесконечную картотеку «Красного колеса», которая кажется такой же нечитабельной в принципе, как концептуальные дневники Ханне Дарбовен, но это, между прочим, рабочие материалы. Про постоянное возвращение к словарю Даля и про собственный «Русский словарь языкового расширения», про рождение языка Солженицына, такого несовременного и неудобочитаемого. Про задачки по физике, составленные для учеников Мезиновской средней школы, и про контрольные по математике, составленные для сыновей в Вермонте, про вечное его учительство, что, очевидно, и вернуло его на родину — учить, как нам обустроить Россию. Про жизнь, ставшую работой, и про работу, ставшую жизнью, про самодисциплину и про то, как идти к цели, когда в 1929-м, десяти лет от роду, начинаешь выпускать рукописный журнал «XX-й век» с подза-

головком «О значении XX-го века» («Последний пират. Рассказ А.С. в 54 главах (продолжение). Глава 49. Затем переоделись, загримировались, написали ложное „постановление собрания пиратов“...»), а в 2006-м, за два года до смерти, составляешь план 30-томного собрания сочинений, которое, в сущности, о значении XX века и есть.

Двух очень важных солженицынских текстов на выставке нет: нет «Прусских ночей» и нет «Двухсот лет вместе». Наталья Солженицына объясняет, что никакой самоцензуры не было, просто рукописи «Прусских ночей», как и всей поэмы «Дороженька», нет, потому как она была сожжена и заучена наизусть, остались лишь поздние машинописи, а машинопись — рукой он уже не писал, сразу печатал на машинке — «Двухсот лет вместе» самая обыкновенная, словом, оба сочинения с эстетикой этой рукописной экспозиции не вяжутся. «Двести лет вместе» вообще не упоминаются на выставке и в каталоге — как будто и не писал вовсе. Но दुемается, что это не случайно и весьма показательное, ведь во всем Солженицыне эти два текста — самые неудобные. «Двести лет вместе» ему не простила довольно большая часть читающего общества. «Прусские ночи» — «Анти-Теркин», отнюдь не по-твардовски рисующий советскую армию, рисующий грабежи и насилия, творимые в Восточной Пруссии, но не с позиции стороннего наблюдателя, а с позиции участника, от «своего народа», в ахматовском смысле, себя не отделяющего, — сравнительно плохо известные. Не то бы большая часть мало читающего общества потребовала бы автора привлечь, хоть и посмертно, за оскорбление чувств и искажение славной истории, а солженицынские цитаты вмиг пооблетали бы с президентских уст. Вероятно, в каждом из нас, благодарных читателей, сидит внутренний цензор, жаждущий отправить в печку кое-какие «лишние» сочинения «великих писателей земли русской», Толстого, Достоевского и особенно Горького, да такие рукописи, к сожалению, не горят, но до сих пор жгут души, будто вчера написаны. Эта исключительная способность быть всегда неудобным и всегда подсудным среди всего прочего причисляет Солженицына к лику трех вышеупомянутых.